

О. В. Мартышин¹

ПРАВО И РЕЛИГИЯ: ДИАЛОГ ПОДСИСТЕМ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Религия — первая историческая форма общественного сознания в древних, средневековых и более поздних традиционных обществах — представляла и в какой-то степени представляет собой донные всеобъемлющее мировоззрение. Она охватывала

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др.; учебников «История политических и правовых учений», «Теория государства и права» (отв. ред. и один из авторов); научных статей «Несколько тезисов о перспективах правового государства в России», «Политическая обязанность», «О либертарно-юридической теории права и государства», «Революция и развитие российской государственности», «О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры», «Идеология и формирование новой политической и правовой системы в Российской Федерации» и др.

все стороны жизни человека, как личной, частной, так и социальной, служила руководством и в сфере идей, и в практической деятельности.

Универсализм религии соответствовал холистскому, то есть нерасчлененному, характеру общества. Оно представлялось как органическое целое, уподобляясь таким образом большой семье. В основе холистской системы лежало единство религии и власти, с возникновением государства религия становится государственной. Социальные нормы столь же едины. Они не делятся на религиозные, правовые и относящиеся к морали. У древних иудеев (и не только у них) любое отклонение от правил считалось безбожием². В рамках религиозной системы регулирования общественных

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 278.

отношений постепенно складывалась функциональная дифференциация. Появлялись нормы, которые по своему назначению носили правовой характер. Но они представляли собой часть единого комплекса правил, исходили из основополагающих ценностей религии. Как писал В. С. Соловьев, вся жизнь «строилась на двойном устое религиозного и государственного закона»¹.

Раннее христианство, не связывавшее себя с государством, ни римским, ни иудейским, нанесло удар по системе холизма. И хотя император Константин, сделавший христианство религией Римской империи, восстановил единство, оно все же, по словам Д. С. Мережковского, «дало трещину, из которой вырвалось подземное пламя»². Этой трещиной явилась христианская идея двух властей — духовной и светской — и соответствующая ей противоречивая практика. Там, где существует не одна власть, между ними рано или поздно возникают соперничество и конфликты.

В Европе безраздельное господство церкви ушло в прошлое вместе со Средневековьем. С эпохи Возрождения неуклонно набирал силу процесс постепенного ослабления влияния католицизма на разные стороны общественной жизни. В этих условиях и функциональная дифференциация способствовала освобождению от опеки церкви. Секуляризацию справедливо связывают с существенными сдвигами в области науки, техники, производства, обмена, культуры, которые привели к формированию нового мировоззрения — гуманизма, носившего в основном светский характер. Но не меньшую роль в этом процессе сыграли два политических явления, непосредственно связанных с церковью: борьба королей и пап в XIII веке и реформация, положившая конец монополии Ватикана и создавшая предпосылки для религиозной свободы. Древний и средневековый холизм был нарушен. Эти тенденции усилились в эпоху буржуазных революций, когда закладывались основы новых отношений между государством и религией. Складывались они по-разному — в одних случаях постепенно, в других — в ходе радикальной ломки старой системы, случались и возвраты к прошлому. Однако в масштабе крупных исторических эпох смысл перемен сводился к ослаблению воздействия религии на государство, право и общество. Ни одна страна не избежала секуляризации, хотя формы и результаты ее неодинаковы.

При множестве нюансов, комбинаций и переходных форм ныне известны три основных типа правового регулирования государственно-религиозных отношений: система государственной религии, система конкордата и система отделения³.

Система государственной религии — своего рода воспоминание о холизме, сохранение древней традиции. Она характерна для многих мусульманских государств. Ее теоретической базой служит провозглашенное исламом в отличие от христианства единство ду-

ховной и светской власти. Степень этого единства различна — от подчинения государства власти духовного вождя в Иране до умеренного ислама в Индонезии. Но современный мир знает и иные образцы режима государственной религии. Классический пример — Великобритания. Государственный статус англиканской церкви сочетается ныне с высокой степенью религиозной свободы, подобно тому как сохранение монархии нисколько не препятствует функционированию демократического режима. Хотя некоторые исторические привилегии англиканства сохраняются, британцы дорожат в них более формой, чем существом. Традиция наполняется новым содержанием. Смягченный, вернее, не столь откровенный вариант государственной религии представляет господствующая, или доминирующая, религия. Этот институт характерен для православной Греции.

Система конкордата предполагает не единство религии и политической власти, а всего лишь сотрудничество государства с религиозными организациями, заключившими с ним соглашения. Она практикуется в ФРГ, Италии, ряде других стран, в частности на постсоветском пространстве в Грузии. Конфессии, заключившие конкордат, пользуются определенными привилегиями. Приобретя статус «общественных объединений», или юридических лиц публичного права, они освобождаются от налогов, получают возможность преподавать религию в школе, окормлять верующих в армии, больницах, тюрьмах и т. п. Известное неравенство религий существует и здесь, но степень его снижается тем, что каждая из них обладает правом при соблюдении четко определенных условий заключить конкордат. Если в Веймарской Германии статус общественных объединений был признан только за католиками и лютеранами, то в ФРГ ситуация принципиально изменилась. В земле Гессен (в ФРГ конкордаты заключаются на уровне земель) 25 из 100 религиозных сообществ обладают статусом общественных организаций⁴.

Наиболее последовательной формой секуляризации является отделение религии от государства. При этом утверждается принцип не сотрудничества, а невмешательства, отстраненности, хотя соблюсти его в полном объеме и во всех случаях очень трудно. Отсюда компромиссы и непоследовательность. Классическими типами отделения церкви от государства в западном мире считают США и Францию. В США сложилась «мягкая форма» отделения со многими отступлениями (присяга президента на Библии и т. п.), а во Франции в начале XX века — более строгая.

Формы секуляризации повсеместно определялись национально-историческими особенностями, состоянием не только религиозной, но и политической и правовой культуры. Наша страна до образования современной Российской Федерации опробовала и пережила два режима государственно-религиозных отношений: систему государственной религии в царской России с делением вероисповеданий в Своде законов Российской империи на господствующую религию, терпимые

¹ Соловьев В. С. Собрание сочинений. СПб., 1903. Т. 8. С. 250.

² Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М., 2004. С. 316.

³ Феррари С. Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель // Мировой опыт государственно-религиозных отношений. М., 1998. С. 111, 115.

⁴ Варнке Ю. Церковно-государственная система в Германии после объединения // Мировой опыт государственно-религиозных отношений. С. 75–76, 79.

и гонимые¹ и, при советской власти, систему радикального отделения церкви от государства, осуществляемого на основе государственного атеизма и идеологической борьбы с религией, периодически сопровождаемой репрессиями. В Советском Союзе сложилась особая, наиболее радикальная форма отделения религии от государства. При этом государственная идеология приобретала квазирелигиозный характер. Страны социалистического лагеря давали образцы как более мягкого (Польша, ГДР), так и более жесткого (Албания) государственного атеизма.

Падение советской власти не могло не поставить проблему по-новому. Хронологически первый вариант ее решения содержится в Законе РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 года. Он полностью соответствовал международным соглашениям и пактам о правах человека. В законе провозглашались: свобода религиозных и атеистических убеждений и практики, подлежащая ограничению только на общих для правовой системы основаниях; равенство религий; отделение религиозных и атеистических организаций от государства; светский характер государственной системы образования. Знаменательно следующее положение ст. 10: «Государство в вопросах свободы исповеданий и убеждений нейтрально, то есть не становится на сторону какой-либо религии или мировоззрения». Закон 1990 года пережил РСФСР и продолжил действовать в новом государстве, потому что Конституция РФ 1993 года исходила из тех же основных ценностей — светского государства, отделения религиозных объединений от государства и их равенства перед законом.

Принятый 26 сентября 1997 года Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» наметил некоторые новые тенденции. В преамбуле религии подразделяются на группы: православие, сыгравшее особую роль в истории, становлении духовности и культуры России; и религии, «составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России», из коих названы только христианство (непонятно, всякое ли), ислам, буддизм и иудаизм. Напрашивается неупомянутая третья группа религий, которую законодатель не относит к историческому наследию народов России. Ничего не говорится также о нерелигиозных формах проявления свободы совести. Такая дифференциация в официальном тексте не способствует утверждению принципа равенства перед законом независимо от религиозных убеждений. Поделив религиозные объединения на «религиозные группы» и «религиозные организации», закон наделяет их неравными правами. Деятельность, которая по закону 1990 года разрешалась всем религиозным объединениям, превратилась в прерогативу исключительно религиозных организаций. Только они могут «производить, приобретать, экспортировать, импортировать и распространять религиозную литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы и иные предметы религиозного назначения» (ст. 17, п. 1); осуществлять благотворительную деятельность; создавать культурно-просветительные, об-

разовательные учреждения, средства массовой информации; обладать собственностью на здания и иное имущество и т. п. (ст. 16, 17, 18, 20, 21, 23).

Подтверждая отделение религиозных учреждений от государства, действующий закон не случайно не воспроизводит положение предшествующего закона о нейтральности государства в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений. Новый закон свидетельствует о государственном покровительстве «религиозным организациям», о создании льгот и благоприятных условий, в том числе для их предпринимательской деятельности (ст. 4, 18, 23). Существенные недостатки закона ныне признаны Правительством РФ, направившим в Государственную Думу предложения о внесении в него изменений².

Закон 1997 года ознаменовал поворот в конфессиональной политике РФ. РПЦ как главная и самая массовая религиозная организация претендует на особое место в жизни государства, на роль едва ли не единственной хранительницы национальных традиций и духовных ценностей, творца национальной идеи, важнейшей опоры государства. Эти стремления пользуются поддержкой органов власти. Для государственно-религиозных отношений в сегодняшней России симптоматичны такие явления, как проникновение религиозных мотивов в государственную символику (гимн, герб), внедрение в жизнь категории «традиционных религий» вместе с их пропагандой и привилегиями, преподавание основ религиозных культур в школе, введение должностей священников в армии, флоте, местах лишения свободы, закон о защите чувств верующих и т. п. Все они свидетельствуют о сокращении сферы светскости государства.

Дело доходит до того, что сам принцип светского государства подвергается сомнению. Десекуляризация выдается за закономерность современного мира. В литературе, в том числе юридической, выражается сожаление по поводу десакрализации государства и права, раздаются призывы ввести систему конкордата или даже объявить православие государственной религией³. Если перевести эти lamentации и призывы на язык политической и правовой культуры, напрашивается вывод, что вместо поиска новых решений и синтеза, который не игнорировал бы ни один из этапов исторического развития России и сочетал бы подлинную свободу совести и религиозной жизни с нейтральностью государства в этих вопросах, предлагается возврат к изжившей себя дореволюционной системе. Не случайно в православной среде находятся люди, пытающиеся выдать византийско-русский принцип симфонии властей за лучшее воплощение светского государства. Идея светского государства нуждается в разработке, уточнении и защите, а наше законодательство и практика — в приведении в соответствие с этим важнейшим конституционным принципом.

² Независимая газета. 2014. 27 марта. С. 3.

³ См.: Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 531–539; Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 198–199; Величко А. М. Нравственные и национальные основы права. СПб., 2002. С. 147; и др.

¹ См.: Дорская А. А. Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. СПб., 2004. С. 171.